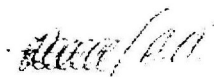

0- 779874

На правах рукописи

КУЧЕРЕНКО Алексей Николаевич

**КУЛЬТУРА ВРЕМЕНИ СОВРЕМЕННОГО
ГОРОЖАНИНА**

**Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(социологические науки)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Ростов-на-Дону – 2009

Работа выполнена в Педагогическом институте
ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»
на кафедре социологии, политологии
и обществоведческого образования

Научный руководитель:

доктор социологических наук, профессор
Штомпель Людмила Александровна

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор
Ильин Виктор Григорьевич

доктор философских наук, профессор
Подопригора Станислав Яковлевич

Ведущая организация:

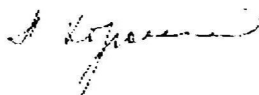
ГУ ВПО Южно-Российский государственный технический
университет (НПИ)

Защита состоится «21 декабря» 2009 г. в 13.00. часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.19 по социологическим наукам при ФГОУ ВПО «Южный Федеральный университет» по адресу: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Педагогического института ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая С

Автореферат разослан 21 ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.Я. Хоронько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования проблемы. Современное общество переживает череду разнообразных кризисов, наличие которых существенным образом трансформирует отношение и ориентацию человека во времени: наблюдается вариативность жизненных стратегий в темпоральном аспекте; будущее утрачивает свою открытость, перестает быть оплотом возможностей и превращается в сферу неопределенностей; прошлое постоянно пересматривается и переинтерпретируется; настоящее сжимается до масштабов нескольких часов или даже минут. В этих условиях обращение к проблеме культуры времени (темпоральной культуре жизнедеятельности индивида) представляется весьма своевременным.

Еще большую остроту проблема культуры времени приобретает в связи с бурными урбанизационными процессами, протекающими в современном мире, ибо время выступает важнейшим фактором, организующим жизнь человека в условиях городской жизни. Эта проблема важна и для России, которая достигла статуса высокоурбанизированной страны (более 70 % населения – горожане) в конце 70-х годов XX века. В конце 80-х годов доля городского населения повысилась в России до 74 %¹. Городской образ жизни характеризуется многими параметрами, среди которых власть времени и отношение ко времени занимают значительное место.

Проблема собственно культуры времени вплоть до XX века не вербализировалась в социогуманитарном знании, однако фактически важная сторона культуры времени – способы его распределения – находилась в поле внимания социологов при изучении бюджетов времени населения. Сравнение результатов исследований бюджетов времени, проводившихся в нашей стране начиная с 20-х годов XX века, свидетельствует не только о наличии региональных особенностей, но и о доминировании разнонаправленных тенденций изменения культуры времени на разных исторических этапах развития нашей страны. Последствия как рыночных преобразований в целом, так и переживаемого ныне экономического кризиса ярче всего отражаются на изменениях структуры труда, росте безработицы, возникновении явления самоэксплуатации, выступающих детерминирующими факторами динамики культуры времени. В свою очередь изме-

¹ См.: Колесников Ю.С. Социология города // Прикладная социология. Ростов н/Д, 2001. С. 76.

нения в культуре времени горожан являются важнейшим показателем изменений в типах социального поведения.

Жизнь горожанина подчинена жесткой регламентации, поскольку деятельность каждого отдельного индивида «встроена» в ритмы работы многих социальных институтов. Пунктуальность, точное соблюдение расписания – важная черта горожанина. Г. Зиммель обращал внимание на то, что связи и занятия типичного жителя мегаполиса столь сложны и разнообразны, что без строжайшей пунктуальности в работе и оказании услуг всю структуру жизни поразил бы безысходный хаос. Однако требование пунктуальности и точности «наталкивается» на разнообразные сбои в работе транспорта (обусловленные в последнее время главным образом перегруженностью имеющихся дорог), сформировавшуюся привычку брать на себя больше обязанностей, чем реально можно успеть, необходимость создавать «резервы времени» и др. Поэтому современная социология не может ограничиться изучением времени, понимаемого как некое «вместилище» часов и минут, которые «тратит» человек, а должна обратиться как к процессу, так и к результату создания человеком времени своей жизни.

Это тем более важно сегодня, в условиях перехода к постиндустриальному обществу, ориентированному на инновации, на собственную активность людей. Умение выстраивать жизненную стратегию предполагает формирование культуры времени: сознательное отношение к организации и перераспределению времени, ориентацию в модусах времени и другие навыки, вырабатываемые под влиянием специфических условий городской жизни и конкретной культуры.

Эти обстоятельства актуализируют исследование проблемы культуры времени как внутреннего регулятива индивидуальной жизни в контексте современных городских реалий. Культура времени реализуется не только через ориентацию на определенный модус времени, но и посредством сознательного принятия (или отвержения, отторжения) коллективных ритмов общественной жизни и, шире, посредством создания индивидуальной траектории реализации жизненных планов, ориентаций, ценностей и целей. Таким образом, проблема культуры времени актуализируется как теоретическая и практическая проблема реализации человеческой самости в условиях городской культуры.

Степень разработанности проблемы. До середины 1960-х годов культура времени в отечественной гуманитаристике практически не исследовалась, поскольку подвергалось сомнению само существование различных форм времени, присущих разным типам материальных взаимодействий. Однако один аспект культуры времени все же

был подвергнут достаточно развернутому исследованию еще с начала XX века: мы имеем в виду изучение бюджетов времени различных групп населения, ход и результаты которого подробно проанализированы в ряде публикаций В.Д. Патрушева, В.А. Артемова, Т.М. Карахановой и других исследователей¹.

В целом исследование бюджетов времени в нашей стране активно развивалось с 20-х годов XX века. Первоначально оно проводилось в рамках изучения более крупной проблемы – доходов и расходов крестьянских и рабочих семей в конце XIX – начала XX века. Однако затраты времени членов семьи на разные виды труда постепенно выкристаллизовывались в самостоятельную область исследования, так как являлись показателем изменений в повседневной деятельности рабочих и крестьян (особенно после окончания Гражданской войны). Немаловажным обстоятельством явилось и то, что с 20-х годов изменения в использовании времени рассматривались как фактор, оказывающий влияние на успешное решение стоящих перед страной важнейших задач в экономической, политической и духовной сферах. Весь этот большой блок исследований и его анализ проводился еще А. Чаяновым², С.Г. Струмилиным³, В. Михеевым⁴ и др. Однако эти и последующие исследования бюджетов времени осуществлялись в основном в экономико-статистическом ключе. Несомненным положительным моментом этого подхода являлось то, что с помощью показателей распределения времени различных групп населения на конкретные занятия (их продолжительность, периодичность, локализация в пространстве и т. д.) можно было анализировать действия людей в сферах труда, быта, досуга, образования.

С другой стороны, в рамках собственно социологии культуры, исследовавшей различные феномены духовной жизни, также преобладала традиция статистического анализа посещения учреждений культуры, что означало введение параметра времени в ткань социологических исследований. Другими словами, мы наблюдаем «смыка-

¹ См.: *Патрушев В.Д.* Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998; *Патрушев В.Д., Артемов В.А., Новохацкая О.В.* Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социол. исслед. 2001. № 5; *Патрушев В.Д.* Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Academia, 2001; Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 годах / Отв. ред. Т.М. Караханова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2001; *Патрушев В.Д.* Динамика бюджетов времени горожан // Социол. исслед. 1999. № 11; *Артемов В.А.* Изменение условий и образа жизни в Сибири (1972–1993) // Социол. исслед. 1995. № 1; и др.

² См.: *Чаянов А.* Бюджетные исследования. История и методы. М.: Новый агроном, 1929.

³ См.: *Струмилин С.Т.* Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.

⁴ См.: *Михеев В.* Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. М., 1932.

ние» проблематики социологии культуры и социологии времени: в первом случае время выступает инструментом, во втором случае – предметом анализа.

Фиксация набора конкретных занятий и их темпоральных характеристик позволяла проводить системный анализ жизнедеятельности целых социальных групп и являлась предпосылкой «рационализации» их повседневной деятельности. Однако ценностные ориентации, мотивы, отношение к тем или иным видам деятельности, степень удовлетворенности результатами и условиями своей жизнедеятельности оказывались вне поля зрения. Это было предопределено общей методологической установкой на время как на ресурс человеческой деятельности, как на некую субстанцию, которую можно разделять на части, интенсифицируя усилия в какой-то одной из них, но не владея ею и не изменяя ее в целом. Изучение использования времени большими группами людей было подчинено цели определения устойчивых типов деятельностиных практик в тот или иной исторический период в конкретном обществе. Однако их соотношение между собой не подчиняется механическим закономерностям. Так, как показали исследования еще 1960-х годов в Красноярском крае, сокращение рабочего времени автоматически не ведет к увеличению свободного времени¹. Интерес к использованию времени, характеризующего реальное и желаемое поведение людей, открытие резервов во вне-рабочем времени и фактического неравенства полов в использовании времени, анализ региональных различий в использовании совокупного фонда времени является важнейшей предпосылкой для постановки проблемы культуры времени.

Исследование культуры времени было бы невозможно без осознания качественной специфики социального времени, проведенного в работах Я.Ф. Аскина, Э.А. Елизарьева, Г.Е. Зборовского, Г.П. Орлова, Н.Н. Трубникова, В.П.Яковлева, без понимания времени как формы культурно-исторического бытия и как категории сознания (М.А. Барг, А.Я. Гуревич, А.Н. Зелинский, Г.С. Кнабе, А.Н. Лой, В.С. Поликарпов, Л.А. Штомпель, В.Н. Ярская).

Время выступает и индикатором городской культуры в целом. В последнее десятилетие можно отметить возрождение интереса социологов к культуре города как к сложному образованию, в котором сосуществуют разнообразные субкультуры. Различное отношение ко времени, различная ритмика городской жизни еще более усложняют избранную тему исследования, придавая ей многомерный характер.

Культурному потенциалу городской жизни, особенностям ее

¹ См.: Патрушев В.Д. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей. С. 461.

структурной организации посвящены работы Д.А. Алисова, З.Н. Галича, Э. Гидденса, В.С. Ефимова, С.В. Ермакова, Е.Г. Журавской, В.Г. Ильина, Л.Б. Когана, Ю.С. Колесникова, В.А. Пригожих, Э.В. Сайко и др. Интересным представляется подход, в котором исследуется культурный возраст города и строится возрастная периодизация городов¹.

Развитие городов и городской культуры рассматривается и в более широком контексте исследования мировой урбанизации в целом. В этой связи необходимо отметить работы А.С. Ахиезера, Л.Б. Когана, М.Г. Лаппо, Ю.Л. Пивоварова, О.Н. Яницкого и др.

Чрезвычайно важными для нашего исследования оказались демографические данные и результаты прикладных исследований, посвященные темпоральной структуре индивидуальной жизни россиян (работы В.А. Артемова, Н.А. Балыковой, З.И. Калугиной, Т.М. Карахановой, О.В. Новохацкой, В.Д. Патрушева, А.Л. Темницкого и др.), культуре свободного времени в аспекте самореализации человека (Н.И. Андрейчиков, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, Г.Е. Зборовский, Г.А. Заикина, Т.М. Караханова, В.Н. Келасьев, Э. Клопов, Г.П. Орлов, В.Д. Патрушев, В.Н. Пименова, Г.М. Подоров, Г.А. Пруденский, Н.М. Римашевская, А.И. Шмаров), регулятивной функции времени в различных видах деятельности (О.Н. Ежов, Н.И. Листвина, А.И. Осипов, В.Н. Ярская), а также психологическому времени личности (работы Т.А. Доброхотовой, Н.Н. Брагиной, Е.И. Головахи, А.А. Кролик, Р.И. Кругликова). Исследование активного отношения субъекта к темпоральной организации собственной жизни основано также на применении антропосоциетальной концепции, обоснованной в работах Н.И. Лапина.

Акцент на темпоральной структуре сознания был сделан в феноменологии Э. Гуссерля и философии М. Хайдеггера. Феноменологическое понимание различных модусов сознания, конечно, не может подменить или отменить исследование времени как объективной формы социальных процессов. Однако выводы Э. Гуссерля и М. Хайдеггера важны с точки зрения изучения целостности отношений духовного опыта личности и его историчности; включением в содержание опыта прошлого и будущего; рассмотрением времени как синтезирующей формы опыта.

Особо следует отметить книгу К. Линча «Образ времени»², в которой на материале отношения к памятникам городской архитектуры и среде города в целом рассматривается проблема связи челове-

¹ См.: Правоторова А.А. Городская культура и возраст города // Мастер-класс. 1997. № 2–3.

² Lynch K. What time is this place? Massachusetts Institute of Technology Press, 1972.

ка со своим прошлым, со временем, со своей культурой.

Отсюда возникает необходимость в осмыслении различных парадигм исследования времени в современном российском городе, несводимом лишь к исследованию бюджетов времени горожан, хотя, повторяем, этот аспект является наиболее разработанным и чрезвычайно важным. Актуальным представляется и концептуальное изучение культуры времени, то есть связи темпоральной организации современным горожанином своей жизни с осознанием им смыслов, ценностей и целей своего существования.

Объект исследования – культура современного горожанина.

Предмет исследования – социокультурная организация использования и распоряжения горожанином своим временем в условиях жизни в современном крупном российском городе.

Цель исследования: выявить основные характеристики культуры времени горожанина в современном крупном российском городе, вызванных модернизационными процессами конца XX – начала XXI века.

Задачи исследования:

- сформулировать теоретико-методологические основы исследования культуры времени на основе междисциплинарного синтеза социокультурного, социально-философского и социологического подходов;

- определить понятие, выражающее способность субъекта к сознательной организации времени собственной жизни;

- зафиксировать векторы новой структуризации времени в современном российском обществе;

- выявить тенденции изменения темпоральной структуры повседневной деятельности работающих жителей г. Ростова-на-Дону;

- определить роль ценностной ориентации на тот или иной модус времени в жизненной стратегии современного горожанина;

- выявить реальную степень распоряжения временем некоторыми возрастными и профессиональными группами населения г. Ростова-на-Дону.

Теоретико-методологической основой диссертационной работы является комплекс теоретических представлений о социальном времени, сложившихся в современной теоретической социологии, социологии культуры и социологии времени. Важнейшим методологическим основанием исследования культуры времени выступают: идея Э. Дюркгейма о времени не только как механизме координации человеческих действий, но и как продукте человеческого сознания, мысль Г. Зиммеля о кумулятивном характере каждого момента настоящего, поскольку каждое новое «складывается из развитых элементов про-

шлого»¹; предложение О. Шпенглера о связи проблемы времени с осуществлением и смыслом жизни; идея Л. и Р. Козер о предопределенности определенного типа социальной активности типом отношения ко времени. Другими словами, можно зафиксировать возможность для социологии обращения к исследованию культуры времени не только через анализ социальных факторов и механизмов, определяющих объективную структурную трансформацию времени горожан, но и посредством анализа образцов использования времени и представлений о времени, влияющих на их жизненные стратегии.

В диссертационной работе были также использованы методики исследования бюджета времени, апробированные в отечественной социологии, антропосоциетальный подход, элементы системного анализа, а также подход понимающей социологии. Данная работа была ориентирована на социокультурный подход к изучению культуры, позволяющий рассмотреть противоречивое единство культуры (как создаваемых и усваиваемых человеком форм осмысления и преобразования мира) и социальных отношений, организационных форм, реализующих данный культурный опыт.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили материалы вторичной обработки и анализа данных целого ряда социологических исследований, в том числе проведенных Центром «Повседневная деятельность и бюджет времени» ИС РАН в 1986, 1997/1998 и 2003/2004 годах, а также материалы авторского социологического исследования на тему: «Время горожанина (на материале г. Ростова-на-Дону)». Были использованы также итоги переписи населения России в 2002 году.

Научная новизна диссертационной работы состоит в применении к исследованию социального времени в современном российском городе качественных (дополнительно к традиционным количественным) методов, отвечающих теоретическим установкам понимающей социологии, позволяющей объяснить новые тенденции в структуризации времени современными горожанами. В содержательном плане научная новизна заключается в следующем:

- традиционное для социологии времени исследование бюджетов времени на основе субстанционалистского понимания времени дополнено исследованием, опирающимся на реляционную концепцию времени;
- сформулировано понятие «культура времени»;
- в контексте социокультурного анализа определена амбивалентность векторов новой структуризации времени в современном российском обществе;

¹ Зиммель Г. Гете // Г. Зиммель. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 330.

- выявлены тенденции изменения темпоральной структуры повседневной деятельности работающих жителей г. Ростова-на-Дону, отражающие циклы экономического подъема и спада;
- определена роль ценностной ориентации на тот или иной модус времени в жизненной стратегии современного горожанина;
- зафиксированы различия в степени распоряжения временем различными возрастными и профессиональными группами населения г. Ростова-на-Дону.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Помимо традиционного для социологии времени подхода, связанного с количественным анализом бюджетов времени больших социальных групп, для XXI века особую актуальность приобретают качественные характеристики социального времени. При этом речь идет не о взаимоисключении и противопоставлении количественного и качественного подходов, а о дополнении статистически-объективистской обработки данных о продолжительности различных видов деятельности анализом ценностных ориентаций, мотивации, содержательного наполнения и отношения к результатам различных видов деятельности.

2. Социальное время – это не просто объективно-реальная форма социальных процессов или пустое «вместилище» для развертывания социальных процессов. Если общество – это система отношений между людьми в процессах их взаимодействий, то и время следует рассматривать не только как форму абсолютно объективных отношений и процессов, выражающую независимые от действующей личности длительности, отношения между длительностями, продолжительность, ритмы, скорости различных социальных процессов. Социальные процессы и субъекты взаимозависимы и друг от друга, и от коллективных ритмов общества, и от коллективных представлений, и от культурных смыслов, приписываемых определенным моментам времени и его ходу, и от реального, а не приписываемого содержательного наполнения различных видов деятельности. Поэтому время общества следует рассматривать не только с позиций субстанционалистского понимания времени, но использовать и реляционную концепцию времени. На основе последней время следует понимать как интерактивный феномен, что соответствует постклассической парадигме развития науки. Этот поворот в понимании времени как интерактивного феномена, осуществленный в естествознании на рубеже XIX–XX веков (мы имеем в виду признание реляционной концепции времени), сегодня, на рубеже XX–XXI веков, осуществляется и на материале социогуманитарного знания.

3. Понимание времени как интерактивного феномена опирается на понятие взаимодействия, поскольку реализация индивидуальной жизненной стратегии предполагает со стороны индивида учет существ-

ования во времени других людей, а также направления времени объективных социальных структур, в которые «вписаны» его действия.

Возможность в процессе осуществления своей жизни выбирать одни виды деятельности и занятий в ущерб другим, выстраивание их в соответствии с ориентацией на определенный модус времени, наполнение их конкретным содержанием, регулирование их продолжительности и т.д. означает не только индивидуализацию личного (персонального) времени, но и формирование особой культуры — культуры времени. Время — не абстрактная сущность, а строение, форма человеческой жизни, не только задаваемая коллективными ритмами, но формируемая действующим субъектом. Культура времени — это система способов и образцов использования и распоряжения временем в соответствии с ценностными установками личности, ориентацией на определенный модус времени (прошлое, настоящее, будущее), влияющая на выстраиваемую ею собственную жизненную стратегию.

4. Зафиксированы амбивалентные социокультурные тенденции в структуре времени населения страны в целом: сокращение/увеличение продолжительности жизни, уменьшение/увеличение времени реального ухода на пенсию, старение/омоложение работающей части населения, уменьшение/увеличение возраста вступающих в брак и возраста рождения первого ребенка и т. д.

Зафиксированы и изменения в структуре социального времени индустриально развитых обществ: все меньше времени тратится на хозяйственно-бытовую деятельность; изменились способы проведения досуга и его темпоральные характеристики; продолжительность и качество отношений с детьми и т. д. В целом индивидуализация стиля жизни сопровождается индивидуализацией структуры времени личности.

5. Темпоральная структура повседневной деятельности работающих жителей г. Ростова-на-Дону по результатам исследования 2008 года не продолжила некоторые тенденции динамики практик городских работающих жителей, зафиксированные социологами на примере г. Пскова. Так, если до событий дефолта 1998 года у работающих мужчин фиксировалась тенденция роста оплачиваемой трудовой нагрузки, а после дефолта она сменилась тенденцией снижения, то в период между 2003/2004 и 2008 годами мы вновь наблюдаем ее рост, что свидетельствует об экономическом подъеме страны в рассматриваемый период. Причем возрастает как время непосредственно самой оплачиваемой работы, так и время, затрачиваемое на подготовку к ней. У женщин тенденция уменьшения времени оплачиваемой работы (фиксируемой до 1998 года) сменилась к 2003/2004 годам подъемом, а затем — существенным подъемом (что совпадает с тенденцией, зафиксированной Т.М. Карахановой). Затраты же времени на ведение домашнего хозяйства и свободное время в 2008 году

значительно сократились. Сохранилась (хотя и в сглаженном виде) гендерная дифференциация рассматриваемых процессов.

6. Культура времени, наряду с сознательным выбором конкретного баланса между различными видами деятельности, тенденцией к снижению «нераспределенного времени», навыками пунктуальности и умения планировать, включает в себя и ориентацию на различные модусы времени. В жизненной стратегии ростовчан преобладает ориентация на ближайшее и отдаленное будущее. Однако достаточно высокая степень неудовлетворенности ростовчан своими реальными жизненными успехами заставляет их обращаться и к модусу «прошлого» в ущерб модусу «настоящего».

7. Выявленная темпоральная структура жизнедеятельности горожан детерминирована рядом социокультурных факторов: ориентацией на тот или иной модус времени; подчинением или подстраиванием суточного (и недельного) ритма жизни ритму наиболее значимого, ценного для конкретной личности вида деятельности; системой празднования памятных дат. Исследование показало, что при общем ощущении дефицита времени умение распоряжаться своим временем более всего развито у бизнесменов и военнослужащих, что коррелирует с подчинением их персонального времени ритмам работы.

Научно-практическая значимость работы обусловлена потребностью анализа социальных последствий рыночных преобразований в нашей стране, проявившихся, в частности, в изменении структуры труда, появлении безработицы, усилении самозэксплуатации, дифференциации общества, трансформации структуры ценностей и т. д. Все эти процессы воздействуют на темпоральную культуру личности и в то же время зависят от нее. Не менее важной является проблема совершенствования методики сбора информации о темпоральной организации жизни горожан. Наконец, грамотная социальная политика не может быть выстроена без учета новых тенденций в структуризации времени.

Материалы диссертационного исследования могут найти применение при чтении курсов: «Социология культуры», «Социология повседневности». Результаты диссертации используются в учебной деятельности ГОУ СПО «Ростовский-на-Дону автодорожный колледж», при чтении курса по социологии.

Апробация результатов работы Материалы исследования были отражены в 5 публикациях общим объемом 3,15 п.л., в том числе в изданиях перечня ВАК 1 статья, объемом 0,75 п.л. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к постановке на защиту в диссертационный совет на кафедре социологии, политологии и обществоведческого образования Педагогического института Южного федерального университета.

Структура диссертационного исследования определяется по-

ставленными задачами и соответствует логике изложения. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 8 параграфов, заключения, списка литературы, приложения (линейные распределения авторского социологического исследования на тему «Время горожанина (на материале г. Ростова-на-Дону)»).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, освещается степень ее научной разработанности, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, формулируется научная новизна и положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость диссертации.

В **первой главе «Теоретико-методологические основы исследования культуры времени в социологии»** мы исходили из того, что измерение темпоральных затрат на различные занятия и виды деятельности людей является важным, но не единственным аспектом исследования социального времени. Интегрирование времени в социальную теорию предполагает уточнение как сущности самого социального времени, так и тех методологических основ, с помощью которых социолог вычленяет темпоральные характеристики социальных процессов.

В первом параграфе **«Время как предмет социологического анализа»** мы прослеживаем развитие отношения ко времени как к ценности и как к способу измерения производительности труда по мере формирования индустриального общества. Эпоха индустриального общества характеризуется дифференциацией различных типов времени: исследователи зафиксировали отличие в этом обществе рабочего времени от других видов времени (свободное, семейное, религиозное). При этом основной парадигмой исследований времени в обществе стали идеи К. Маркса о времени как мере стоимости и мере труда, как объективном индикаторе, выражающем величину живого труда. Однако время мыслилось не только как объективный феномен, но и как продукт человеческого сознания.

При всей плодотворности различения объективного и субъективного времени для социологии второй половины XIX века социальное время было в первую очередь объективно существующей продолжительностью социальных процессов; оно не зависело от сознания и представления субъектов, «втянутых» в эти процессы. Таким образом, исторически первой парадигмой исследования времени в социологии является идея, что время есть некоторое «вместилище» событий и процессов, которое заполняется различными видами дея-

тельности. Позже на основе такого субстанционалистского по своему существу понимания времени общества зарубежные социологи уточняют структуру времени и изучают различия в использовании времени разными классами.

Однако в конце XIX века постепенно осознается необходимость выявления специфики социальной реальности, что не могло не отразиться и на понимании социального времени. Новая парадигма в исследовании социального времени стала формироваться в лоне немецкой социологической школы. Чрезвычайно важной для нас явилась идея Г. Зиммеля о необходимости «объясняющего» подхода ко времени, предполагающего нелинейный взгляд на время, в котором прошлое и будущее действуют в настоящем, придающем им смысл.

К пониманию времени как ресурса обращаются многие современные социологи и культурологи: в этой связи мы рассматриваем концепцию Ф. Броделя о двух видах социального времени, идеи П. Штомпки, а также концепцию М. Фуко о времени как инструменте социального контроля.

В настоящее время, в XXI веке, на первый план вышла проблема ускорения социального времени. Вначале она ощущалась как острая нехватка времени. Этот аспект проблемы социального времени может быть объяснен с помощью концепции рутинизации социальных действий и интеракций, существенный вклад в разработку которой внес И. Гоффман. По И. Гоффману, периоды социальных встреч, во время которых достигается эффект соприсутствия, чередуются с периодами «мертвого», или «убитого», времени. Тем самым время, хотя и оказывается жестко структурировано, однако в нем наличествуют непродуктивные периоды.

Еще один интереснейший способ анализа социального времени связан, и на это обращает внимание Э. Гидденс, с изучением ежедневных и еженедельных перемещений индивидов и групп. Он особенно важен при анализе разворачивания социального времени в пространстве современных городов.

Во втором параграфе *«Культурная составляющая социального времени»* мы рассматриваем, благодаря чему было преодолено позитивистское по существу отношение к социальному времени. Новый поворот в понимании социального времени был осуществлен тогда, когда была осознана непродуктивность игнорирования качественной специфики различных цивилизаций, культур, стран, — мы обращаемся к концепции О. Шпенглера. «Время» мыслится О. Шпенглером как особый способ понимания — понимания становления (в противоположность «пространству» как способу понимания ставше-

го). О. Шпенглер также связал проблему времени с проблемой смысла. Открытие этого важнейшего момента в сущности социального времени стало возможным благодаря неокантианцам. С этих позиций социальное время предстает не только как готовая организационная форма, реализующая культурный опыт, но и как единство этой объективной социальной формы и формы осмысления человеческого мира, то есть как время социокультурное.

Идея связи времени со смыслом, понимание необходимости выделения определенных периодов времени в зависимости от значения, приписываемого им, развивается П. Сорокиным и Р. Мертонем.

В 1960-е годы была выдвинута идея о связи социального поведения с типом восприятия времени. Так, Л. и Р. Козер выделили четыре типа социального поведения, поставив им в соответствие определенное отношение ко времени: конформистское, ориентированное на будущее, хилиастическое, гедонистическое. Последнее ориентировано только на момент настоящего времени. Каждый тип ориентации на модус времени определяет соответствующую социальную активность. Похожие идеи выдвигал и К. Манхейм, рассматривая ориентацию во времени как смысловую целостность, предопределяющую постижение исторического развития.

Интересна также и концепция М. Кастельса. Новое сетевое общество создает новую темпоральность, которую М. Кастельс называет «вневременное время», порождаемое попытками информационных сетей аннигилировать время, поскольку в этом обществе происходит систематическая пертурбация в порядке следований явлений, устранение очередности создает недифференцированное время, развивается гибкое предпринимательство, рабочее время варьируется, жизненный цикл размывается.

В концепции Н. Лумана прослеживается связь проблемы времени с проблемой смысла, фиксируется «более эластичный» характер времени в современном обществе и исчезновение темпоральных ориентаций в нем. Н. Луман считает необходимым отличать время на уровне индивидуальной жизни, время на уровне организации, время на уровне общества в целом.

Проведенный обзор позволяет сделать вывод, что проблема социального времени не должна сводиться лишь к фиксации последовательности и длительности событий или актов человеческого поведения, а предполагает определение тех фундаментальных социальных фактов, компонентов, параметров, измерений общества, которые конституируют его в целом, «надстраиваясь» над физическим, часовым временем. При этом актуальной представляется идея о связи со-

циального времени со смысло- и целеполаганием.

В третьем параграфе *«Сущность культуры времени»* показано, что и уже укорененные правила повседневной деятельности людей, и осуществление деятельности любой организации, и даже функционирование общества в целом всегда включены в определенную временную перспективу, ориентация в которой культурно обусловлена. Более того: культурно обусловлен и способ взаимосогласования различных уровней темпоральной организации общества: общества в целом, организаций, индивидуальной жизни – от принудительно-авторитарного до свободного, основанного на выборе индивидуальных стратегий. При этом социокультурный подход делает акцент на значениях, на тех идеальных образованиях, которые направляют человеческие усилия и объясняют богатство разновидностей действия, их дифференциацию по функции, по форме и по смыслу.

Культура времени способствует не только «повышению качества действия», но и окультуриванию самого действующего: его открытостью идеалам, ориентацией на высшие ценности, самокультуривацией в соответствии с избранным идеалом. Культура времени предполагает и «учет» «другого»: она социально ориентирована.

Наличие в современной городской культуре трех типов культуры (традиционной городской культуры доиндустриального общества, городской культуры индустриального типа и урбанистической культуры) позволяет провести различие между ними по такому признаку, как отношение ко времени. Для традиционной культуры характерно подчинение природным (суточным и сезонным) ритмам жизнедеятельности, «вольное» отношение со временем (отсутствие обязательств пунктуальности, точности, взаимной согласованности), преобладание циклического образа времени. Для культуры индустриального типа и для урбанистической культуры ценность времени возрастает, что подчиняет жизнедеятельность индивидов часовому времени, усиливается дисциплина отношений со временем, время мыслится как стрела, не только направленная вперед, но и движущаяся с большим ускорением.

Богатство возможностей, которые открывает перед человеком современная цивилизация, во «сто крат» увеличивает и разнообразие в структурировании своего времени. Поэтому поиска инвариантных, типичных моделей использования времени, приписываемых той или иной социальной группе, сегодня недостаточно (хотя эти модели также не должны «выпасть» из исследовательского поля). Мы подчеркиваем эвристичность реляционного подхода ко времени, требующего учета собственной активности индивида в «строительстве»

собственной жизни, в согласовании персонального и общественного времени.

Само отношение ко времени как к интерактивному феномену связано с теми процессами, которые происходят в современном социуме и определяются как «атомизация» социального (Ж.Ф. Лиотар), «конец социального» (Ж. Бодрийяр). На место жестких и устойчивых социокультурных связей и институтов, которые «подчиняли» себе время жизнедеятельности человека, заступает возможность индивидуальной организации течения своей жизни, в том числе – индивидуализации личного времени.

Во второй главе *«Динамика культуры времени в социокультурном пространстве современного города»* мы исходили из того, что в разных по численности населения городах ряд показателей (в том числе и показатели использования времени) могут существенным образом отличаться друг от друга. Для нашей диссертации объектом исследования явился город Ростов-на-Дону, поэтому нас более всего интересовали характеристики времени, выделяемые для крупнейших городов и мегаполисов.

В первом параграфе *«Структурация времени в современном обществе как показатель культуры времени»* мы опираемся на идею М. Фуко о том, что контроль за временем и способами его использования осуществляется в любом обществе. Дисциплинирование может реализовываться двумя способами – в форме распорядка дня (расписания) и в форме заданной последовательности действий. В индустриальном обществе, когда время стало выполнять функцию мерила труда, отношение ко времени, «темпоральная дисциплинированность» становятся все более жесткими. Важнейший аспект, в котором социологи решают проблему времени, является бюджет времени. Начиная с середины 1960-х годов исследователи фиксировали изменения в структуре бюджетов времени населения нашей страны: например, если с 1965 по 1986 год у женщин общая трудовая нагрузка уменьшилась, а свободное время возросло, то в начале 1990-х годов затраты времени на домашний труд и удовлетворение бытовых потребностей существенно возросли; уменьшилась продолжительность сна и свободного времени; изменилась структура использования свободного времени.

Прослеживание тенденций в перераспределении времени между тремя основными видами труда (наемного или предпринимательского труда, труда в домашнем хозяйстве и труда в личном подсобном хозяйстве), основными видами деятельности, изучение изменений структур времяпрепровождения различных групп населения требует

уточнения теоретических ориентаций. Мы имеем в виду следующие обстоятельства. Во-первых, «распад» ткани социального, на которое обратил внимание Ж. Бодрийяр, «атомизация» общества (Ж.Ф. Лиотар) не могли не отразиться на отношении членов общества к коллективным ритмам и коллективной организации времени. Более того, эти два процесса являются взаимоопределяющими. Во второй половине XX века как раз и произошел процесс «развремени», когда ряд профессий и занятий позволили «выпадать» из коллективных ритмов. С другой стороны, трудовые затраты сегодня все более интенсифицируются. Эти обстоятельства выступают второй причиной новой структуризации времени.

Третье обстоятельство изменения отношения людей к коллективной организации времени представлено транспортом. Еще Э. Гидденс обратил внимание на то, что анализ социального времени связан с изучением ежедневных и еженедельных перемещений индивидов и групп. Наиболее «затратное» с темпорологической точки зрения перемещение – поездка к месту работы – сегодня возросло. До 1960-х годов оно соответствовало норме, но сегодня в отечественных мегаполисах оно составляет не оптимальные 30 минут, а около 60.

В диссертации рассматриваются тенденции колебаний средней продолжительности жизни населения современной России, темпоральные показатели оформления пенсий, изменения темпоральной структуры индивидуальной жизни. Зафиксированные колебания позволили зафиксировать амбивалентные тенденции в структуре времени населения страны в целом.

То, как современный человек структурирует свое личное «темпоральное пространство», конечно, зависит от объективных социальных структур, жестко-принудительно воздействующих на поведение людей, но этой «объективной» структуризации противодействует иная тенденция – «возрастание» культуры времени и свободы в распоряжении собственным временем. Последняя в содержательном плане определяется (как показал Э. Гуссерль) жизненным миром индивида – сферой дорефлексивного, непосредственно переживаемого опыта. Этот мир чувствований, стремлений, фантазий, сомнений, желаний, воспоминаний о прошлом и прогнозирования будущего влияет на ориентацию на определенный модус времени при реализации жизненной стратегии, на интенсивность использования времени в любом виде деятельности, на «качество» свободного времени, наконец, на рефлексию (или отсутствие ее) по отношению к ценности времени собственной жизни.

Во втором параграфе *«Культура времени в условиях совре-*

менной городской жизни» мы рассматриваем культуру времени в условиях городской жизни в нескольких аспектах: во-первых, анализируем темпоральные характеристики городского образа жизни; во-вторых, исследуем преломление модусов времени (прошлое – настоящее – будущее) в жизни города; в-третьих, определяем ориентацию на определенный модус времени в жизненной стратегии горожанина.

Современному городскому образу жизни присущи такие черты, как интенсивность социальных интеракций, насыщенность безличными контактами, уклонение от личностных контактов; мобильность; высокий уровень регламентации и квантификации; нацеленность на расширение осведомленности и разнообразие поступающей информации; необходимость осуществлять выбор между несколькими альтернативами; отделенность от ритмов природных циклов и подчиненность социально обусловленным ритмам жизнедеятельности; снижение физических и повышение эмоционально-интеллектуальных нагрузок и т. д. Все эти характеристики являются временными по существу, ибо любой социальный процесс (коль скоро он процесс) протекает во времени: он длится определенное время (которое измеряется часами, то есть с помощью астрономического времени), он встроен в систему других процессов (отсюда возникает необходимость учитывать отношение между длительностями с помощью расписания), он может быть регулярно повторяющимся (ритм и периодичность времени) или, напротив, однократным и случайным (разрыв во времени «привычных» процессов) и, наконец, он направлен на достижение определенной цели (направление времени) и связан со смыслом жизни (собственно социокультурное время).

При исследовании социального времени в условиях города важно различать виды и роды времени. Во-первых, необходимо различать объективное течение социального времени, «персональное» время функционирования данного социального субъекта и те образы времени, которые возникают в человеческом сознании. Социальное время, посредством которого координируются действия множества людей, может не соответствовать биологическому или персональному времени. Во-вторых, следует помнить о двух родах течения времени: один – это ритмические повторения (существующие и в природе, и в человеческих организмах, например, пульс, дыхание, сон и пробуждение), другой – поступательное развитие путем необратимых изменений (рождение – рост – увядание – смерть).

Субъект вынужден «встраиваться» и в ритмическое, и в поступательное течение времени, ориентироваться и на объективные соци-

альные ритмы, и на собственное персональное время. Противоречие между этими типами времени заставляет индивида или точно подстраиваться под распорядок объективного социального бытия, или, напротив, отгораживаться от него (путем, например, впадения в игроманию).

Еще К.Линч исходил из того, что время является важнейшим измерением бытия городских структур. Присутствие прошлого и будущего в живой ткани настоящего реализуется в нескольких проблемах. Во-первых, в проблеме сохранения культурного наследия, представленного в памятниках архитектуры. Любая стратегия сохранения исторического объекта (его реставрация, реконструкция, ревалоризация, консервация) есть функция тех социальных устремлений, которые характерны для данного общества в данный исторических момент, а также взглядов современников на историю. Во-вторых, в проблеме сохранения преемственности ассоциаций и образов в новых районах старых городов, которая решается с помощью уподобления новых домов старым, например, в каких-то элементах декора. В диссертации показано, что время всегда «приписано» к определенному пространству: из времени могут «изыматься» некие интервалы, в течение которых «апробируются» новые, субкультурные способы поведения. Их утверждение во все большем «объеме» времени сопровождается их утверждением в пространстве.

Таким образом, фиксируется возможность изменения привычного поведения в привычной городской среде. Но существует и другая возможность: изменение привычного окружения вызывает желание сохранить старое поведение. Для этого новой городской среде придают облик старой – реально или символически. Чем выше контрастность и сложность городского окружения, тем очевиднее динамика социальной жизни и тем более открытым будущему представляется данное место городской среды.

Не менее важным, чем память об «общем прошлом» данного города, являются следы истории жизни каждого отдельного горожанина. Каждый отдельный горожанин отмечает лично для него памятные места города, которые ассоциируются со значительными событиями его частной жизни: рождением, свадьбой, встречами и расставаниями. Наложение памяти о местах, где протекала жизнь семьи, на реально сохранившееся пространство есть совмещение двух модусов времени, которое может вызывать чувство удовлетворения или, напротив, отторжения и утраты.

Исследуется также такая способность времени в современном обществе, как способность в создании и поддержании социального

единства. Сотрудничество, взаимообмен, сплоченность – это такие явления социальной жизни, которые возможны при четкой согласованности временных характеристик осуществляемых процессов. И напротив: индивидуальный и групповой эгоизм выстраивается с помощью нарушения темпоральных характеристик города как социокультурного организма. Различия в средних затратах времени на различные виды деятельности у разных социальных групп могут являться одним из факторов роста социальной напряженности.

Для современного мегаполиса серьезной «статьей» темпоральных затрат выступает доля времени, которую горожанин тратит на передвижения, перемещения в пространстве города. Как показал В.Д. Патрушев, в 1980-е годы в нашей стране в среднем мужчины тратили на передвижения, не связанные с работой, 4,6 часа, а женщины – 5,1 часа в неделю¹. Однако сегодня эти цифры в несколько раз выше, особенно в мегаполисах. По нашим данным, в Ростове-на-Дону горожанин тратит на передвижения 20,3 часа в неделю, горожанка – 19,5 часа (см. результаты нашего исследования в главе III). При этом следует отметить, что потери астрономического времени, которые несет каждый горожанин в городском транспорте, несоизмеримы с потерями социокультурного времени.

Наконец, город открывает новые возможности в содержательном наполнении свободного времени.

Таким образом, в условиях современной городской жизни возрастает значение следующих характеристик культуры времени: совмещение разных модусов социального времени, синхронизация времени различных социальных институтов и персонального времени, разнонаправленность родов времени, способность времени поддерживать социальное единство, оторванность от природных ритмов.

В третьем параграфе *«Современный горожанин: владение и распоряжение временем как жизненная ценность»* мы показываем, что способность времени подчинять себе поведение и мышление человека существует в нескольких формах: во-первых, как преобладающее общественное настроение, выражаемое в словосочетании «дух времени», во-вторых, как организационное начало, воплощенное в расписании, календаре, часовом регламенте жизни.

В любом обществе на каждом историческом этапе его развития всегда вырабатывается определенная доминанта, настрой, ориентир всей духовной сферы общества, который и обозначается термином «дух времени». Первый аспект «духа времени» выражает

¹ См.: Патрушев В.Д. Свободное время работающих горожан России и США // Социол. исслед. 2004. № 12.

духовную атмосферу общества, господствующее общественное настроение, духовный склад определенного поколения современников. Понятие «поколение» относится к ряду понятий, выражающих социальное время. Поколение современников справедливо рассматривают как горизонтальный срез человеческой истории, т. е. общество, взятое в определенный, хронологически сжатый отрезок времени.

«Дух времени» не бесстрастен, не чисто рассудочен, поскольку носит ценностный, жизнеориентирующий, императивный характер. «Дух времени» выражает обращение *настоящего* к *будущему* (поскольку настоящее осознается под углом зрения желаемого/нежелаемого будущего) и к *прошлому* (поскольку любое поколение современников каким-то образом относится к своим предшественникам, к традициям, к прошлому).

Осознание времени, т. е. осознание отличия *настоящего* от *прошлого* или *будущего*, лежит в основе поколенческого сознания. Оно представлено ориентацией на тот или иной модус времени: прошлое, настоящее или будущее.

В современном индустриальном городе – полистилистичном, поликультурном, полиэтничном – сосуществуют ориентации на все три модуса время и, соответственно, реализуются все три уровня жизненного ориентирования личности (перспективный, оперативный и ретроспективный). Их сочетание базируется на культивируемом сегодня индивидуализме: стратегия жизни личности во временном аспекте направлена не на время общества, а на собственное время жизни личности. Если личность ориентирована на потребление, а не на созидание, то она подчиняется тому времени (во всех смыслах понятия «социальное время»: дух времени, коллективные ритмы, темпоральные ориентации и т. д.), которое ему предлагает современное общество потребления.

Наиболее оптимальная организация личностью своего жизненного времени с целью наполнения его событиями, важными и значимыми в контексте собственных смысложизненных ориентаций, всегда связана с ориентацией на определенный модус времени. Если активность личности направлена на приобретательство, на потребление различных жизненных благ, на стремление к материальному или нравственно-психологическому комфорту, конформизму, то подобная личность идет «на поводу» у объективных временных ритмов общества.

Таким образом, дух времени есть отражение тенденций развития, заложенных в объективном социальном времени (времени поко-

ления) и вместе с тем – есть рефлексия, субъективная реакция на социальное время со стороны поколения, его временное (лучше – темпоральное) сознание. В формировании темпорального самосознания поколения и состоит функция «духа времени».

Вторая форма способности времени подчинять себе поведение и мышление человека представлена в календаре. Возникновение общества потребления, наращивание роста которого базируется на развитии символических форм общественной жизнедеятельности – символического потребления, символических стилей жизни, конструирования наций, новых моральных (точнее, аморальных) и правовых систем и т. п., – означает и рождение нового отношения ко времени, и открытие новых особенностей времени как инструмента дисциплинирования и контроля.

Современная жизнь упорядочивается с помощью многих технологий: промышленных технологий, денежных и финансовых систем, городских и всемирных инфраструктур и т. д. В этой связи можно сказать, что календарь (а следовательно, и время) выступает своеобразной технологией, которая дает возможность воспроизвести ту или иную систему деятельности в соответствии с описанным образцом на другом материале и в других условиях.

Власть времени в современном обществе неуклонно возрастает, что выражается в ускорении темпов жизни, в интенсификации труда, в усилении взаимозависимости различных технологических и социальных процессов и т. д.

Человек живет сразу в нескольких временных плоскостях, и ему постоянно приходится выбирать одну из них в качестве первичной. Распределение времени человека, предсказуемость его поведения тесно связаны друг с другом. Без организации социального времени и выбора одной из плоскостей в качестве предпочтительной в данный момент невозможно планировать деятельность. Это тесно связано с таким качеством социального времени, выделенного Дж. Левисом и Э. Вайгертом, как включенность¹. Под временной включенностью они понимают то, что все социальные акты во временном отношении находятся внутри других социальных актов. Например, человек прерывает разговор, так как он должен заняться другими делами. Таким образом, личное время человека всегда включено во время его социального взаимодействия. Личное время и время взаимодействия в свою очередь включены в макровремя социальных институтов и в макровремя культуры. Эта включенность конституирует временную

¹ См.: *Lewis J., Weigard A. The structures and meanings of social time // Social forces. Baltimore, 1981. Vol. 60. № 2. P. 432–462.*

интеграцию разных уровней социальной структуры и вызывает необходимость временной стратификации и синхронизации.

В современном городском социуме создаются условия для большей независимости персонального времени от времени общества. Так, например, работа с компьютером позволяет подключаться к банку данных, не выходя из собственной квартиры в любое удобное время суток; по-своему планировать свой рабочий день; экономить время жизни на перемещениях в пространстве и т. д.

Таким образом, в современном обществе наблюдается большая активность и самостоятельность людей в организации использования своего времени. Горожанин оказывается перед лицом выбора множества возможностей, что заставляет его и позволяет ему перераспределять свое время. Отсюда навык организации своего времени становится одним из важнейших навыков, способствующих успешному функционированию в городе. Однако не только выбор и перераспределение времени ценно, но ценно также ощущение (и гарантия) стабильности и гармоничности в организации времени – гармоничности, увязывающей в одно целое ритмы городской жизни и ритмы персональной жизни.

В третьей главе *«Культура времени жителей г. Ростова-на-Дону»* рассматривается динамика структуры временных затрат ростовчан и степень их активности в темпоральной организации собственной жизни на основе эмпирического анализа этих процессов в крупном городе, центре Южного федерального округа – городе Ростове-на-Дону.

В первом параграфе *«Повседневная деятельность ростовчан в показателях бюджета времени»* проводится описание исследования, проведенного в г. Ростове-на-Дону в июле–сентябре 2008 года на базе применения традиционных для социологии методов опроса и анкетирования совместно с количественными методами обработки полученных данных. Общее число опрошенных составило 460 человек. В качестве единицы исследования были выбраны жители города Ростова-на-Дону.

Портрет ростовчанина 2008 года в темпоральном разрезе следующий: он работает (на оплачиваемой работе) гораздо больше, чем 40 лет назад (если включить в работу время, затрачиваемое на передвижения на работу, то получится: в 1965 году – 49,7 часа, в 2008 году – 64,9 часа); труд мужчины в домашнем хозяйстве стал менее продолжительным; сократилось и время на удовлетворение физиологических потребностей; он располагает меньшим свободным временем, структура использования которого изменилась; он вынужден много

времени тратить на передвижения (всего – 20,3 часа); более 2,3 часа он «теряет», не умея распорядиться этим временем.

Портрет работающей ростовчанки 2008 года выглядит так: она, как и мужчина, работает гораздо больше, чем 40 лет назад (в 1965 году – 45,6 часа, в 2008 году – 59,6 часа), причем время на оплачиваемую работу практически не изменилось, но возросло время на виды деятельности, связанные с работой, особенно – на передвижения на работу); объем неоплачиваемого домашнего труда женщины во временном измерении сократился; сократилось ее свободное время и время на удовлетворение физиологических потребностей; изменилась структура свободного времени; женщины успешнее распоряжаются своим временем, хотя и у них «нераспределенное» время зафиксировано и составляет 1,4 часа.

Во втором параграфе *«Распоряжение временем в жизненной стратегии ростовчан»* были выделены несколько факторов, являющихся ориентирами в темпоральной организации жизни индивида: ориентация на тот или иной модус времени; подчинение или подстраивание суточного (и недельного) ритма жизни ритму наиболее значимого вида деятельности; празднование памятных дат.

Оказалось, что мужчины ориентируются в основном на будущее. Это подтверждается тем, что 89,6 % опрошенных положительно ответили на вопрос о планировании жизни на ближайшие несколько месяцев (89,6 % – на ближайшие годы) и только 10,4 % ответили «нет» (10,42 % – на ближайшие годы). Ответы женщин более дифференцированы, ориентация на будущее у них выражена еще ярче: 91,9 % опрошенных положительно ответили на вопрос о планировании жизни на ближайшие несколько месяцев (96,8 % – на ближайшие годы) и только 8,1 % ответили «нет» (3,2 % – на ближайшие годы).

Сравнение с прошлым путем обращения к образу родителей осуществляют 77,1 % мужчин и 74,6 % женщин. При этом потребность изменить прошлое испытывают 11,1 % опрошенных мужчин и 6,6 % женщин. Однако эти цифры не вполне совпадают с ответами о степени удовлетворенности ростовчан своими жизненными успехами: среди мужчин удовлетворены ими 54,3 %, среди женщин – 53,2 % опрошенных. Наибольший процент среди опрошенных желали бы вернуться в прошлое и что-то изменить в нем среди рабочих (25 %).

Результаты исследования подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что современные горожане все еще недостаточно хорошо планируют свое время. Поэтому в анкете и был предусмотрен вопрос: «Есть ли в течение дня промежутки времени, о которых Вы не

можете вспомнить, что конкретно делали?». Эти промежутки оказались значительными: у мужчин – 2,3 часа, у женщин – 1,4 часа. При этом ровно половина ростовчан и 46 % ростовчанок отмечают в течение дня промежутки времени, в течение которых они не могут вспомнить, что конкретно делали.

Фактором, организующим распоряжение временем современного горожанина, для 75,5 % мужчин и 66,7 % женщин оказалась работа.

Распоряжение временем предполагает не только *организацию* времени, но и *переживание* его. Еще К.Линч подметил, что от примечательных событий мы получаем то же удовлетворение, что и от примечательных мест. К числу таких примечательных событий относятся государственные, религиозные и семейные праздники. 91,8 % ростовчан, судя по результатам опроса, отмечают государственные праздники, 89,4 % отмечают религиозные праздники, все мужчины-ростовчане отмечают семейные праздники. У женщин ответы распределились следующим образом: 94 % отмечают государственные праздники, 98,4 % отмечают религиозные праздники, все ростовчанки отмечают семейные праздники.

Для анализа значения праздников в контексте организации времени своей жизни нами были предприняты два неформализованных интервью. Праздник – это осознание прерыва будничного течения жизни, подготовка к которому достаточно стандартна, а само проведение также не отличается разнообразием. Праздники не связываются с приближающимся будущим (за исключением Нового года), не усиливают повышение эффективности действий в настоящем, но сопутствуют усилению чувства «я» или «мы» в его соотношении с окружающим миром.

В **Заключении** диссертации сформулированы основные выводы исследования и намечаются пути дальнейшего развития избранной темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статья из перечня ведущих научных журналов и изданий ВАК:

1. Кучеренко А.Н. Время как интерактивный феномен / А.Н. Кучеренко // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 5. (0,4 п.л.)

Научные статьи, доклады, тезисы:

2. *Кучеренко А.Н.* Фактор времени в условиях городской среды [Текст] / А.Н. Кучеренко // Социально-гуманитарные проблемы современной России: сб. науч. статей / под ред. Ю.Г. Волкова. – Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2007. (0,4 п.л.).
3. *Кучеренко А.Н.* Социальное время в контексте смены парадигм цивилизационного развития [Текст] / А.Н. Кучеренко // Социология и общество: пути взаимодействия: материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: Ин-т социологии РАН: Российское общество социологов, 2008. (0,1 п.л.)
4. *Кучеренко А.Н.* Исследование времени в социологии: смена методологических парадигм [Текст] / А.Н. Кучеренко // Известия Академии молодых исследователей: сб. науч. статей / Международная славянская академия образования им. Я.А. Коменского, Педагогический институт Южного федерального университета. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. – Вып. 3. (0,75 п.л.).
5. *Кучеренко А.Н.* Современные тенденции изменения структуры времени горожанина (на материале г. Ростова-на-Дону) [Текст] / А.Н. Кучеренко. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. (1,5 п.л.)

Подписано в печать 20.11.2009. Формат 60х84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 1 ф.п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 197.
ИПО ПИ ЮФУ:
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

